

«ТАНКИСТЫ» И «САМОВАРЫ»

Пир разгорался всё сильнее и сильнее. Меха растрёпанной тальянки не успевали раздуваться, её звук заглушили крики, свист, стук костылей и скрип самодельных деревянных тележек, на которых горбатились неуклюжие тела. Под этот грохот прыгал стол, на котором плясали гранёные стаканы, постукивая друг о друга, падая и выплёскивая драгоценное содержимое. Пьяные мужики кричали каждый о своём.

- Эх, Маруся!
- Хо-ой, сапоги не порви!..
- Наливай!..

Сильные руки хлопали ладонями о грязный пол, добавляя прыти вечеринке. Эти же руки крутили по полу самодельные деревянные тележки. А сидевшие за столом или на лавке вдоль стены срывались с мест, бросали костыли в сторону, пускались в пляс, но спотыкались одной — единственной! — ногой об эти коротышки на полу и с грохотом падали. Но снова поднимались и, разгорячённые горьким самогоном, снова устремлялись в гущу вакханалии. И лишь отрешённо под густыми бровями страшно блестели глаза — серые, чёрные и голубые — как перед атакой на ненавистного врага. Медали на гимнастёрках звенели, срывались и разлетались по сторонам...

Вдруг с грохотом отворилась дверь, державшаяся на защёлке из гвоздя и в квартиру ворвались вооружённые солдаты со стволами наперевес. Не успели люди остановиться и успокоиться, как перед ними встал человек в форме майора милиции и начал громкую речь:

— Товарищи фронтовики! Советское государство, заботясь о благополучии оставшихся без крова над головой и без присмотра инвалидов и искалеченных решило разместить вас в интернаты и лечебницы! Сегодня же ночью вы будете погружены в поезд и отправлены туда. Собирайтесь!

Пьяное сборище калек сначала умолкло в растерянности, потом все разом заговорили, наполнив квартиру нестерпимым гулом.

- Какая ещё лечебница?
- А как ты собираешься меня лечить? Ноги, что ли, пришьёшь?
- Никуда не поеду! Я за эту землю воевал! Когда ты, молокосос, соску сосал, я кровью истекал среди огня!

Милиционер поднял руку и попросил тишины.

— Товарищи! Спорить бесполезно. Выходим по-одному!

Этого хватило, чтобы пьяный народ взбесился.

— Ты что, гражданин начальник, арестовываешь нас?

— Да кто ты такой, чтобы с нами так разговаривать? — один одноногий, подняв костыль, запрыгал к милиционерскому командиру. — Ты меня, фронтовика, хочешь напугать?

Прыгая в бешенстве, инвалид запутался о чей-то костыль и упал на пол. Грохот падения и последующий за ним семизатяжной мат, чей-то пронзительный свист стали сигналом для всех. Пьяные фронтовики, вернее то, что от них осталось — половинки тел на деревянных колёсиках, одноногие и однорукие, даже один слепой — бросились на прибывших краснощёких молодчиков. Комната погрузилась в грохот и крики мужской свирепой драки. Но битва закончилась так же быстро, как и началась. Очень скоро восставших против указа власти усмирили: кому закрутили руки назад, кому одели на голову мешок, кого связали и поволокли на выход. У солдат, не первый раз занимающихся этим неблагодарным делом, всё необходимое оказалось под рукой. Они, не церемонясь, грузили инвалидов на грузовик, приставленный прямо к подъезду. Сопrotивление было упорным, но силы оказались неравные. Уже через час крытый грузовик под охраной нёсся по ночному городу в сторону вокзала.

А на вокзале — кошмар! Сюда одна за другой подъезжают такие же крытые машины, из них выгружают калек и инвалидов, с криками и руганью волокут к вагонам и поднимают наверх. Многие орут и бушуют, лезут в драку с конвоирами. Они явно пьяные, как и те самые, которых только что настигли на городской квартире за весёлым празднеством. Лишь некоторые смиренно и спокойные катятся на колясках, ковыляют на костылях или мирно плетутся за ведущими санитарями. Солдаты торопятся. Суэта такая, словно где-то рядом идут ожесточённые бои и бойцы с санитарями возят оттуда неиссякаемый поток раненых.

Наконец возня утихомирилась. Людей расположили по вагонам. Много было среди прихваченных и «самоваров» без рук и ног. Как их могли найти и поймать — не понятно, ведь эти существа совсем не могут двигаться, только сидят и удивлёнными глазами взирают на тех, кто ещё может каким-то образом выразить своё недовольство. «Танкисты» помогают другим: сильными руками хватаясь за поручни, лезут в вагоны, толкают впереди себя товарищей, поднимая их на полки. Они без ног, эти калеки, двигаются на тележках. Народ и назвал их «танкистами».

Погрузка закончилась. «Танкисты» и «самовары», одноногие и однорукие, контуженные и кривые, упакованы в один состав, и усталый паровоз поволок весь этот шумный, тяжёлый груз бед, горестей и трагедий от вокзала. В неизвестность отправился поезд, состоящий из зла, обид, слёз и ненависти — ненависти на весь мир, на людей и на самих себя, обречённых войною на новые, ещё большие мучения, страдания и муки...

Это было в апреле 1949 года. Страна встречала четвёртую весну Великой Победы. Когда началось отступление врага и освобождение родной земли от фашистских захватчиков, улицы советских городов заполнили раненые и искалеченные фронтовики. Они стояли по углам, сидели на вокзалах, у столовых и баров, выпрашивая милостыню, напивались допьяна и валялись на улицах, занимались мелкими кражами и устраивали драки. Они портили предпраздничный вид городов.

Война унесла 27 миллионов жизней. Живыми возвратила 46 миллионов 250 тысяч покалеченных. 775 тысяч из них — контуженные, 155 тысяч одноглазые, 3 миллиона одноруких. А больше миллиона воинов — без обеих рук, 54 тысячи — слепые. Госпитали, больницы и приюты переполнены людьми без присмотра и помощи, без поддержки и будущего. Большинство потеряли семьи, некоторые не помнят даже, кто они и откуда. Встречаются и более смышлёные, здраво решившие, что в таком

убогом виде они теперь не нужны родным и близким — вот и остались кочевать по улицам городов и у вокзалов, промышляя чем попало. Они отстранились от общества, занимают пустующие дома, вместе собираются, встречаются и заводят разговоры о житье-бытье. У каждого из них в душе живёт огромная горечь. Сердца изранены, души больные. Они пытаются все болезни утопить в пьянстве. Потом всё это выплёскивается наружу, оборачивается ненавистью на сидящего рядом соседа и начинается обычная драка. Эти люди превратились в изгоев, мешающих советским людям строить коммунизм.

В 1949 году, перед 70-летием вождя народов И. В. Сталина, и как бы в подарок ему, правительство решило: всех фронтовиков-инвалидов, у которых нет семьи и присмотра, выслать добровольно или принудительно в специальные интернаты и лечебницы. Эти мероприятия были проведены на основании указов Президиума Верховного Совета СССР и Постановлений Совета Министров СССР. К пятилетию Победы города были очищены от беспризорников и просящих милостыню...

Рамазан проснулся только днём, еле оклемавшись от пьяного угара и вчерашней усталости. Долго лежал, не понимая, где же он оказался. Лёгкий перестук колёс по рельсам привёл в чувство и напомнил: их же вчера грузили в поезд! Он опёрся на руки и приподнялся. Первым увидел Василия, устало наблюдающего берёзы, бегущие за окном назад. Василий тихо и спокойно сидел, упёршись подбородком о кулаки.

Рамазан потянулся и толкнул друга:

— Вася, а куда мы едем?

Рыжеволосый обросший мужчина повернул голову в его сторону:

— Говорят, на остров Валаам.

— Валаам? А где это?

— В Карелии, где-то на Ладожском озере.

— А что там? Лагерь какой-нибудь? Мы кто, Вася, пленные что-ли?

— Санитары этого поезда говорят, что бывший монастырь переделали в спецлечебницу для фронтовиков. Там, говорят, нас будут лечить, — друг тяжело вздохнул. Рамазан протрезвел окончательно:

— А что у меня лечить? Что можно лечить у тебя? Что, они будут пришивать мне оторванные ноги?

Василий, кажется, уже перебесился и успокоился. Смирившись с судьбой, он остался спокоен:

— Какой смысл бушевать сейчас? Если уж выжили в войну, то и тут не помрём, Ромка...

Ромка-Рамазан, горячий молодой парень, обвёл глазами весь вагон и снова упал на топчан, зажав руками болевшую голову:

— Э-эх! Вчера нужно было выпить эту бутылку и уйти домой, Вася. Поддались разговорам этого дяди Коли, опьянели и забылись.

— Что с того? Не сегодня так завтра — всё равно бы схватили. Невозможно же не выходить на улицу. Ты смотри: сколько тут народу собрали! Пока ты спал, всю дорогу заносили новых и новых...

* * *

Рамазан с Василием познакомился в одном из подмосковных госпиталей в сорок четвёртом году. Василий сначала со стороны наблюдал, как Рамазан приходил в себя после операции и требовал вернуть ему ноги. Молодого, чернявого парня санитары пугались. Махая кулаками, он на весь мир сыпал матом и проклятиями. Василий

подошёл к нему, сильно прижал к кровати и помог сделать укол. После ухода медиков он продолжал сидеть у больного, пытаясь его успокоить:

— Ты, дружок, не сопротивляйся так. Так быстрее привыкнешь, будет легче. Сколько не рыпайся, ноги уже не вырастут. Я вот восемь месяцев в таком положении. Что поделать — судьба...

Чернявый отворачивается, пряча обильно текущие по щекам слезы, стесняясь своей слабости.

— Как тебя зовут?

— Рамазан.

— По нашему Рома, значит. А я — Василий Егорович, можешь называть меня Васей.

— Откуда будешь? Какой национальности?

— Из Башкирии, — Рамазану разговор даётся трудно. Недавно отрезанная нижняя часть туловища отдаёт нестерпимой болью.

— Столько дней ты по-своему кричишь, стонешь, но никто не понимает.

— Э-эх, слушай, найди мне пистолет, а?

Василий пожимает плечами:

— Пистолет? А зачем?

— Ну хотя бы нож... Найди, а? Не могу так лежать!..

Василий, ничего не говоря, молча сползает с кровати Рамазана и удаляется, неуклюже подпрыгивая на руках. Через некоторое время он возвращается с бутылочкой в зубах:

— На, глотни немного. Я у врача выпросил.

Кое-как приподнявшись, Рамазан сделал несколько глотков и поморщился. Крепкий спирт обжёг внутренности, не видевшие несколько дней еды и воды. Очень скоро тело заволочла приятная лёгкость. Боль, не дававшая ни о чём думать, резко спала. Не желая упускать такое состояние, парень сделал ещё глоток. Но после третьего раза новый приятель убрал бутылку с тумбочки.

— Хватит, раны могут открыться.

После выпивки боль ушла. Рамазан вспомнил, что давно не ел. Взял и пожевал черствеющий хлеб, отпил чай из стакана. Василий всё ещё был рядом, то подавая нужное, то убирая, а сам всё время рассказывал новости. Они долгие пять месяцев провели в одной палате. Рамазан был призван на службу в тридцать девятом году, с действительной и попал на фронт в сорок первом, но не довоевал: в сорок четвёртом, уже в логове фашизма, наступил на мину и взлетел на воздух, но остался жив.

А Василий Егорович был призван на войну уже взрослым мужчиной, отцом двоих детей. В сорок втором году его семья осталась в оккупированной части, семью истребили каратели, деревню сожгли. Сам Васлий горел в танке, остался не только без ног, но и без кола и двора. Он уже все эти потери пережил, стал спокойным человеком — в противовес вспыльчивому Рамазану, готовому озвереть от каждого слова. Но разные характеры не помешали им подружиться.

— Ромка, дорогой мой, давай сообщим о тебе в деревню, там же у тебя есть и родные, и близкие люди, — уговаривал Рамазана Василий, но парень упорно стоял на своём:

— В таком состоянии я не буду там показываться!

— У тебя есть мама, сёстры. Ты их не лишай последней надежды...

— Я буду только обузой для матери. Она, сама уже пожилая женщина, всю жизнь будет мыкаться со мной? А я буду лежать и страдать, видя, как она мучается? Лучше — погиб, и дело с концом.

— Эх, молодой, не понимаешь ты самых дорогих вещей. Моих родных война разнесла в клочья, а я живу...

— А тебе разве не лучше теперь? Твоей жене ты нужен был бы — вот такой? Ты терпеливый, но пойми, что мы теперь никому без надобностей!..

Так же в госпитале они встречали праздник 9 Мая. С такими же получеловеками дружно кричали «Ура!», чокались склянками со спиртом, пели и плакали. Местные мастера постарались — смастерили лёгкие тележки, научили хитростям обращения с замысловатым приспособлением. Когда закончился срок пребывания в госпитале, Рамазан с Василием решили отправиться куда глаза глядят. Покатались по железной дороге и решили остановиться в городе Сочи. Здесь теплее и сытнее. Помыкались в южном городе, нашли каморку, начали работать: один — сапожником, а другой стал ремонтировать чемоданы. Когда нет ног, руки быстро привыкают к любому труду. В городе оказалось немало таких как они, «танкистов» и «самоваров». Постепенно сблизились с собратьями по беде, начали встречаться, выпивать и скандалить. Тут много было и тех, кто, как Рамазан и Василий, добывали хлеб своими руками, но немало и тех, кто находил пропитание, выпрашивая милостыню.

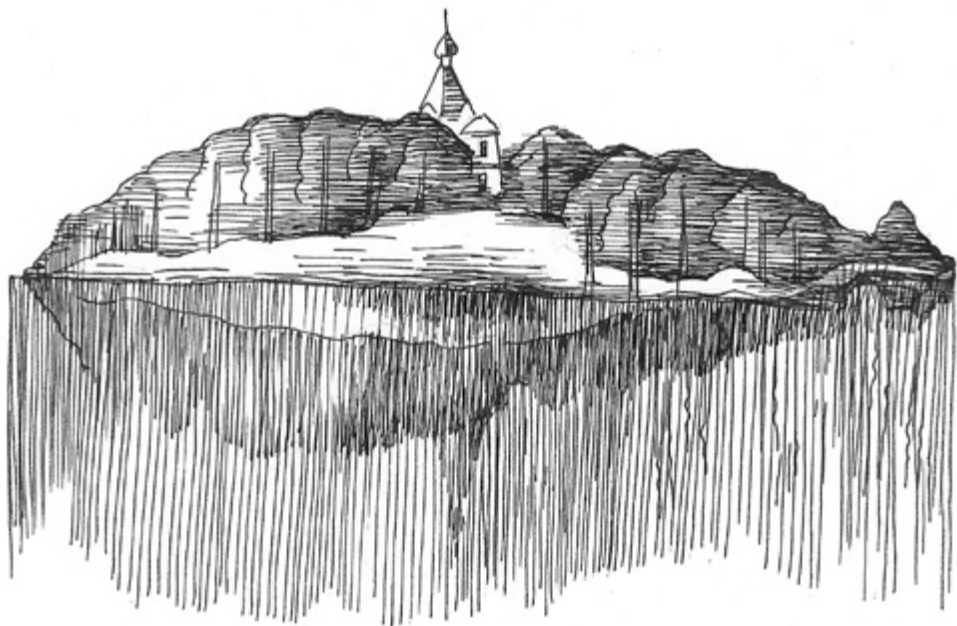
В тот злополучный вечер их пригласил на день рождения дядя Коля, одноногий фронтовик. Для всех собравшихся было важно посидеть братьями по оружию и по общему горю, с такими же обездоленными мужиками. Встречаться друг с другом среди городского столпотворения доводилось редко. Пили за Победу. Поднимали тосты за погибших, за сгоревшие деревни и города, за оставленных любимых... За измученную карателями Катю Василия, за замёрзшую в блокадном Ленинграде Маргариту Якова, за оставшуюся под бомбой Женю дяди Коли, за Аннушку Славы, отказавшейся от мужа-инвалида, за любимую девушку Рамазана, которая даже не подозревала, где он находится сейчас... Тосты произносились без конца. Водку запивали текущими по щекам слезами и слюной, занюхивая куском чёрствого чёрного хлеба. Потом запели. А потом пошла пляска. А дальнейшие события связаны вот с этим поездом...

* * *

Пароход пристал к острову Валаам. Их погрузили на машины и долго везли по берегу. Обоз из нескольких грузовиков поднялся на крутой пригорок и встал перед каменными строениями, огороженными полуразрушенной стенкой. Из настежь открытых ворот выбежала вооружённая охрана, за ней солдаты и медсёстры. Они радушно улыбались, принимая каждого инвалида. Их таскали на носилках, брали за подмышки, приподнимали и вели вдвоём с двух сторон. У кого тележки оказались с собой, те покатали самоходом, а те, у кого тележка сломалась или потерялась в суматохе переезда, прыгали на руках.

В сумраке лазарета открылись двери, в длинном коридоре стало светлее. Пришедшие расположились по каморкам-палатам. Рамазан с Василием вошли в большую комнату. Она оказалась с низким потолком и маленькими окнами, но человек на двадцать.

В летописи «Слово о Валаамском монастыре» говорится, что обитель заложена в 1407 году. В те времена на острове жили более шестисот монахов. Они содержали остров как плодородное хозяйство. Но соседи шведы постоянно покушались на благоприятные земли, из-за чего монастырь пришёл в опустошение. В дальнейшем деревянные постройки сгорели, потом снова восстанавливались. И храмы воздвигались снова. Сколько-то времени эта земля оставалась в руках Санкт-Петербургских митрополитов, иногда подпадала под подчинение финляндской епархии. В 1940 году тут открылась школа финских боцманов и юнг. А в 1944 году финны оставили остров. Уже разваливающиеся постройки становятся складами заводов, военными арсеналами. И вот в 1949 году тут обосновалась лечебница, куда и приплыли наши герои...

Рамазан проснулся ночью от холода. Одеядо, шитое из шинельного сукна, не грело. Да и матрац, набитый соломой, потрепался настолько, что лучше бы лежать на голой доске. И пахнет не утренней свежестью. Под тусклым лунным светом, едва пробивающимся сквозь маленькие грязные окна, с дружным храпом посапывают около двадцати мужиков: кто-то разговаривает во сне, кто-то скрипит зубами и постанывает. Но все очень старательно укутались в жёсткие и короткие одеяла, засунули головы вовнутрь, словно черепахи.

Рамазану стало тоскливо от дружного невесёлого храпа. Прикрыв глаза, он крепко сжал ладонями лицо и долго лежал так. И в голове возникли слова песни: «Сердце успокоится слегка, Душа улетает в облака, Стоит только запеть...» Башкирская застольная. Мать с отцом, бывало, певали её, да и гости, вдохновлённые медовухой и весёлым общением. Под мелодию курая... Отец был особенно музыкальным. Как затянет душевно, а его просят ещё и ещё...

Его голос передался и Рамазану. В детстве сёстры часто просили Рамазана петь, ставя на стул и задабривая конфетками. Подрастая, он застенялся и перестал выступать напоказ. Зато в лесу и в поле, оставшись один, напевал эту песню, и казалось, что у него неплохо получается. В школе и учителя замечали его способности, из друзей кое-кто приметил, просили, но он упорно сопротивлялся. Ему всегда казалось, что песня — это раскрытие души настезь.

И Рамазану захотелось петь. Все муки могли раствориться в сладостной мелодии печальной песни, вылиться наружу, в мир. Он сначала про себя нашёптывал знакомые слова, потом не выдержал, скинул одеядо, спрыгнул с низенькой кровати на пол и, опираясь на руки, устремился во двор. Он, не чувствуя ни прохладу раннего весеннего утра, ни твердь прошлогодней пожухлой травы, торопливо допрыгал до крутого берега, откуда простирались голубые дали. Посмотрел на волны, тихо плескавшиеся о берег и неожиданно запел не родную деревенскую, а понравившийся ещё в школе русский романс: «Утро туманное, утро седое...» Потом вспоминал и запевал все песни, которые знал. Если не помнил слов, начинал другую.

Так и сидел Рамазан на берегу, пока со стороны лечебницы не начали выходить и прислушиваться санитары. Грустная мелодия, вырывающаяся из груди, медленно распространялась по затуманенной поверхности озера. Словно удивлялось широкое озеро, без всплеска и волнющей внимая песне — что за диво? А может эти места впервые стали свидетелями таких мелодичных и задушевных песен-историй? Кто знает? Во всяком случае, он высказал пенем всё, что было на душе, и незнакомое озеро и пустынный берег его услышали... И стало действительно легко, словно крылья проклюнулись.

А тем временем лечебница оживилась. Санитары забежали по зданиям, будили людей, показывали, где помыться и куда идти завтракать. Не желающие послушно подчиниться указаниям громко роптали и бранились, но всё же — кто-то с помощью, кто-то сам — отправлялись в ту сторону, откуда шёл запах вкусного завтрака. В просторном зале, уже с высокими потолками, стояли длинные столы со скамейками вокруг. Один стол в конце поставлен поперёк. На нём стоят огромные армейские бачки, поверх которых едва видны головы раздатчиков долгожданной пищи. Заглядывающие в зал мужики быстро соображают, что к чему, и становятся в очередь, а более наглые и смелые уже добрались до стола и начали жадно работать ложками из алюминиевых мисок. Суматоха, крики с призывом о спокойствии и порядке остаются всего лишь дежурными предупреждениями. Люди кое-как приспособливаются у столов и едят, обливаясь и оглядываясь в сторону раздачи, рассчитывая на добавку. Наконец очередь у крайнего стола закончилась, зал погрузился в ровный стук ложек и тихий разговор. И тогда в столовую вошли несколько человек в военной форме и белых халатах.

— Доброе утро, товарищи фронтовики! — произнёс мужчина среднего возраста. Со всех сторон раздались ответные крики: «Здравия желаем!..», «Доброе утро!...», «Здорово, гражданин начальник!..»

— Как провели ночь? Не замёрзли? — военный заботливо расспрашивал, обращаясь ко всем. — Я — Игнатъев Фёдор Васильевич, воинское звание — капитан. Я директор этого пансионата. А рядом со мной, — он повернулся и показал на седого старика, — Тарас Соломонович Самоцветкин, главный врач пансионата и мой заместитель. Рядом с ним — старшая медсестра Нина Харитоновна, далее...

Большинство знакомящихся были женщины: директор столовой, завхоз, какой-то организатор чего-то. Накормленные люди тихо-мирно дослушали директора, а когда он предложил задавать вопросы, загалдели. Но этот базар резко осадил тот же повышенный голос:

— Отставить! Поднимаем руку и спрашиваем по-одному!

К потолку взвились сразу несколько протянутых рук. Игнатъев выслушал нескольких и сделал обобщение:

— Вопросы одни и те же. Почему мы здесь, что с нами будет? Позвольте ответить так. Советское государство открыло по всей стране несколько пансионатов для ухода за фронтовиками-инвалидами. Тут вас будут кормить и присматривать.

— Мы сами кормили себя!

— Я не просился в этот пансионат...

— Товарищи! — капитан был готов к этому ропоту и сразу же перешёл в наступление. — Советские фронтовики не должны бродить по улицам бездомными и пьяными валяться по закоулкам! Вы — достойные защитники Родины, проливавшие за неё кровь в смертельных боях с врагом. Страна не бросит вас в вашем несчастье! Так не должно быть!

Эти слова заставили всех замолчать и задуматься. Потом снова посыпались вопросы:

— А почему угнали силой?

— А я и так неплохо жил! Тут же замёрзнуть можно!

— Товарищи фронтовики! — седой мужчина в белом халате вышел вперёд с поднятыми руками и все сразу стихли. — Я военный хирург, до конца войны не выходил из операционной. Через мои руки прошло немало таких раненных, как вы. Может быть, кого-то из вас оперировал тоже я. Я очень хорошо понимаю ваше положение.

Фронтовики к докторам относились с уважением и не посмели перебивать. Главврач уверенно и смело продолжил дальше:

— Вы были долго без присмотра и ухода. А уж о медицинской помощи и говорить не приходится. У многих гангрена! Нужны повторные операции. В таком состоянии разве вы сможете жить дальше? — головы опустились, кулаки сжались, взгляды уставились в пол. — Ладно, сюда пришедшие хоть как-то могут двигаться. А в это время оставшиеся в палатах: слепые, без рук-ног и другие — кто им поможет? Этот пансионат открылся для помощи вам, героям войны! Мы — ваши друзья, а не враги! Но порядок будет жёстким! Пить и драться запрещается! Указания санитаров выполнять беспрекословно!

— А уйти отсюда можно?

— Нет! — вмешался капитан. — Пансионат расположен на острове, кругом большая вода. И не забывайте — в команде врача есть вооружённая охрана. Непослушных ждёт суровая кара. Сейчас, после завтрака, по палатам пройдёт специальная комиссия, составят списки...

Ещё неделю, после этого памятного завтрака и знакомства с администрацией находились бунтовщики. Да и убежать не удавалось тем, кто попытался. Их ловили, волокли в палаты, бросали на кровати, привязывали накрепко, иногда закрывали в тёмную комнату в подвале. А бывшие вояки сцеплялись не только с обслуживающим персоналом, но и между собой. В столовой падали столы и скамейки, инвалиды бросались друг на друга. Но тут же арестованные получали положенное наказание. Они лежали связанные и сутками голодные, прося пить или требуя выпустить в туалет. Эти меры вынуждали становиться более послушными и вести себя смиреннее. Постепенно в пансионате установилась тишина и порядок.

Маленький пароходик, связывающий остров с большой землёй, приплывает один раз в месяц. Он привозит провизию, почту и медикаменты. Меняется медперсонал, охрана и другие работники.

Через месяц пребывания на горизонте и появилось это судно. Пароход приблизился к пристани и дал громкий продолжительный гудок. В пансионате шла обыденная работа: уборка, прогулка больных, проветривание вещей и комнат. Санитары выгнали всех ходящих из палат, развесили одеяла и матрацы, открыли настежь окна. Для выноса «самоваров» один рукодельник начал мастерить большие корзины из камыша. Безногих и безруких укладывали погреться на солнце. Инвалиды постепенно привыкали, в тёплые дни стали сами проситься на солнышко, и даже засыпали, в корзинах...

От гудка парохода все головы разом повернулись в сторону пристани. Люди в корзинах зашевелились. Из столовой выбежали поварихи, из других зданий — охрана и санитары.

— О-о, пароход!

— Наконец-то!

— Еда прибывает, продукты!

— Заперли на острове и морят голодом, сволочи! Надо написать товарищу Сталину об этом! — На разные — и злобные, и радостные — возгласы добавлялись и разговоры из курилки:

— Сегодня, наконец, уснём сытые.

— Я в Москве на вокзале жил сытнее, а тут... Автомата нет! — озлобленно высказал Сергей по прозвищу Серый, выдыхая густые клубы дыма из носа. «Опять про свои довоенные героиства рассказывает», — подумал Рамазан. Он уже слышал, что до войны Серый был известным вором в законе, что московская милиция очень долго охотилась за ним. А он под носом преследователей успевал вычистить богатые квартиры и смывался бесследно. Пройдя с самого детства целую цепь лагерей, он добровольно попросился на войну в штрафбат. Вот сейчас он спокойно и самоуверенно заявляет при разгоравшихся спорах фронтовиков между собой: «Мы, штрафбатники, очищали для вас минные поля. Это мы умирали первыми на передовой!» И никто не опровергает его. Потому что уже не секрет, для чего штрафбаты нужны были на войне. Но Рамазан всё равно не согласен, что этот Сергей стремится устанавить тюремные порядки. Он и в казарме превратился в своеобразного хана, изгоняя от себя непослушных и оставляя при себе только холуёв. И в столовой восседает на самом видном месте. Даже санитары опасаются его. Лишь главврач Тарас Соломонович, всеми прозванный как «доктор Соломон», и начальник пансионата Фёдор Васильевич особо не почитают его, воспринимают как одноногого калеку-фронтовика и несчастного человека, обиженного на свою судьбу, а заодно и на весь белый свет.

Однажды в столовой этот бывший урка потребовал от поварахи дополнительный хлеб для себя, и когда она отказала, замахнулся на неё костылём. В это время Рамазан, занимавший очередь за ним, перехватил палку. Серый повернулся и, стоя на здоровой ноге, замахнулся другим костылём — уже на Рамазана. Но парень быстро перехватил и эту угрозу. Не сумев сохранить равновесие, нападающий оступись и грохнулся на пол. От этой неожиданной стычки и очередники, и уже сидевшие за столами обедающие резко затихли в ожидании недоброй развязки. Рамазан бросил на упавшего вояку костыли и со злостью высказал:

— Ты чего налетел на невинного кашевара? Откуда она возьмёт тебе этот хлеб, если его нет?

— Ах, ты, сука! — закричал тот, и быстро поднявшись, начал наступать на Рамазана со свирепым видом. — На кого руку поднимаешь?

Рамазан приготовился отразить атаку:

— Хлеб выдаётся всем по норме. Почему ты требуешь прибавку?

— Ты, фраер, кажется, не знаешь, кто я такой?

— Хватит вам! Хватит тебе, Сергей! Где охрана? — завизжала поварахи, но её крик перекрыл другой шум. Прикрывая Рамазана, перед ним встал Василий, ещё несколько одноказарменников выстроились в защиту парня-инвалида. И шайка Сергея собралась быстро, встали за ним. Но битва не успела начаться, прибежала охрана и развела противников в разные стороны.

— Ещё встретимся, герой! — пригрозил Серый, уходя. В палате Василий пытался образумить друга:

— Зря ты связываешься с ними. Если пойдёт так, то придётся каждый день устраивать разборки...

— Нет, не нужно. Но я не могу позволить, когда на моих глазах обижают невинных людей. Ты же видел, как эта женщина испугалась? Серый специально устраивает скандалы! Добивается своевластия. Что же, будем бояться его?

— Я, Ромка, теперь уже никого и ничего не боюсь. Если придётся, опять встану за тебя. Но не будь таким безумным...

От этих спокойных слов Рамазан тогда успокоился. Нельзя спорить с человеком, вставшим на твою защиту против целой банды...

Как только пароход уплыл за горизонт, на пригорок, где расположился пансионат, поднялись тяжело гружёные грузовики. Три машины проехали через ворота

и остановились перед столовой. Из кабин вылезли водители в военной форме и по одному вооружённому часовому. Их встретили охранная команда острова и всё перенесли в здание. Внимательно наблюдавшие за их работой инвалиды повеселели. Они начали перекидываться шутками, смеялись громко и забористо. Все без команды повалили в палаты, помогая санитарам и друг другу. Рамазан с Василием тоже взяли одну корзину с инвалидом и понесли в пансионат. «Танкисты» иногда тоже помогают санитарам, занося корзины с «самоварами» с улицы. Ужина дожидались с нетерпением. Потому что в последнее время пища оскудела, еда стала бедной, сведясь к жидкой баланде и куску хлеба. Люди чувствовали голод.

Всё мигом съели: и сытную кашу, и по три куса чёрного хлеба. Потом разлили крепкий сладкий чай, кому сколько влезет. Раздали и папиросы. Многие отправились курить, а оставшиеся продолжали прихлёбывать чай.

Завтра праздничная дата — 9 мая! В честь Дня Победы обещан праздничный пир. Разнёсся слух, что даже артисты приехали. Столовая закрылась, но народ спать не торопился, все вышли на улицу. Сладостно вздыхая тёплый аромат весеннего вечера, погружаясь в воспоминания, люди весело обсуждали последние новости.

— Ур-ра-а! Победа! С днём Победы!

«Самовар» Антоша открыл глаза и заорал на всю палату. Сам же зыркал туда-сюда: слышит ли его кто-нибудь? Широко раскрытые весёлые глаза делали из этого человека без рук и ног огромного беззащитного ребёнка. И таких только в одной палате шестеро. Антоша самый молодой из них. Их разместили так, чтобы другие по возможности могли присматривать и помогать им. Антоша был призван на войну только в 1945 году, в боях за Берлин был ранен и искалечен.

— Да, Победа, друг мой Антоша, Победа... — Василий проснулся давно, кажется, даже успел помыться и привести себя в порядок в честь знаменательной даты. Он приподнял Антошу и усадил поудобнее. Взял из-под кровати бутылку и подставил к парню, чтоб он пописал, принёс тазик с водой и промыл лицо. Потом достал из его чемодана гимнастёрку, засунул рукава вовнутрь и набросил на грязную майку.

Антоша обрадовался так, словно у него заново выросли руки и ноги.

— Василий Егорович, дайте-ка зеркало!

Небольшое круглое зеркальце мужик преподносил парню и к лицу, и до груди, увешанной медалями. Там улыбался молодой красивый парень, сияя голубыми глазами. Антоша от такого вида совсем разговорился и закричал:

— Эх, Василий Егорович, только девушек не хватает! — Мужики, уже вставшие и наводящие марафет, дружно засмеялись. Они сумели побороть своё жалкое состояние, подавив гордость и постоянное ощущение боли в ранах, находя изредка в унылой жизни своей повод повеселиться. Когда после своего утреннего пения не берегу в палату вернулся Рамазан, там стоял хохот. Заулыбался и он в порыве весёлого настроения, даже не подозревая о его причине. И во время завтрака хорошо чувствовалось, что каждый в душе озарён каким-то внутренним торжеством, что сделало всех и добрее, и мягкосердечнее.

Обед был приготовлен во дворе пансионата, на зелёной лужайке из только что проклюнувшейся из-под земли бархатной травы. Каждая казарма расположилась отдельным кругом, приспособив под сиденья вынесенные одеяла, настелив вместо скатертей полотенца и газеты. Послушав приветственные речи начальника лагеря и главного врача, все подняли по сто граммов и чокнулись стаканами в честь великого праздника. На пир собрались и сотрудники пансионата, медсёстры и санитарки, кухонные работницы. Потом развязались языки, заиграли ложки, пошла потеха. Сплетни

о приглашённых артистах оказались пустым слухом, но никто не разочаровался. Песня началась как бы сама и была подхвачена многими голосами. Перебрали все знакомые фронтовые песни, умельцы заводили и народные мелодии. Их слушали с упоением и просили повторить снова.

Праздничная выпивка быстро закончилась, но раззадорившимся мужикам этого показалось мало. Душа требовала продолжения банкета. Некоторые начали досаждают санитаров и медперсонал, выпрашивая у них хоть глоточек спирта. В это время кто-то пустил слухок: в казарме Серого есть самогон, и он продаётся! И вправду, заходившие туда возвращались с какой-то настойкой за пазухой. Покупали её на все, что в цене: кто на деньги, кто на приличную одежду, кто и на награду. Некоторые даже тёплые одеяла меняли на питьё. И в палате Рамазана оказались пузырьки с самогомом. Где Серый берёт её?

— Говорят, на хуторе живёт женщина-самогонщица. Значит, он тут распродаёт её товар, — сказал Василий.

— Но ведь из лагеря нельзя выходить!

— Нашлись пути. Или с охраной договорились, или какой-то санитар помогает.

— Да-а, в таком случае вечером тут хай поднимется...

Действительно, вечером в пансионате разразилась настоящая война. Народ стал неуправляемым, непонятливым и развязанным. В казармах-палатах люди, в основном, оралы песни, обнимались, плакали и смеялись. Но на улице... Одни рвались домой, пытаются перелезть через запертые ворота. Часовые были вынуждены стрелять в воздух и под ноги особо взбесившимся, чтобы те протрезвели. Некоторые лезли в дом к начальнику и главврачу, требуя объяснений, но никто их в ту сторону не пускал. Рамазан и Василий с ещё несколькими трезвыми получили приказ присматривать за домом, где жила женская часть персонала. Там двери крепкие, есть охрана, но всё же... Вся ночь прошла в противостоянии: одни пили и бушевали, другие сторожили и присматривали. К утру пьянке пришёл конец, запасы опустели, люди повалились кто-куда и крепко уснули.

ДЕВУШКИ

С каждым рейсом парохода в пансионате добавлялись клиенты, а кто-то из обслуживающего персонала отправлялся на большую землю. И вот однажды случилось событие, ошарашившее даже видавших виды надсмотрщиков: в одном из грузовиков они увидели полный кузов женщин! Охрана и медперсонал помогли дамам разгрузиться. Все выстроились около машин. Вышедшие из казарм мужики тоже уставились на непонятную толпу. Сами то они более-менее свыклись со своим изувеченным видом, а вот видеть перед собой таких же искалеченных женщин было жутко. Но всё же женщины — это женщины. Многие ярко сверкают орденами и медалями, волосы у них красиво убраны, да и одеты дамы в костюмы, яркие платья и блузки. Тёплый ветерок разносит с их стороны запахи мыла, одеколона и духов.

Пока мужики пялились на невероятное зрелище, из толпы женщин вышла одна и зычно скомандовала:

— Ну, девочки, кто из вас может забрать свои вещи, несите их с собой, видно, рассчитывать на чью-то помощь тут не приходится.

«Девочки» захихикали, переговариваясь между собой, а мужики опомнились и бросились помогать. Быстренько разобрали и отнесли вещи новосёлок к указанному дому. В доме разразился неумолкаемый шум и визг. Рамазан, сделавший три рейса с чемоданами в руках и на тележке, захотел немножко понаблюдать за необычным

зрелищем. В отличие от мужиков, женщины обустроивались на новом месте чинно, благородно и дружно. Его присутствие было замечено. Крепкая женщина, командовавшая всеми, обратилась к нему:

— Ты, джигит, собираешься с нами жить?

Все, находящиеся в комнате, разразились смехом.

— Айда, милоч, проходи! Моя постель самая мягкая! — весело подмигнула и выпустила волнистые волосы одна весёлая «танкистка».

— Нет уж, я его дальше себя не пропущу! — протянула для поцелуя руку к нему одна красивая девушка с голубыми глазами.

Рамазан покраснел от смущения и поспешил ретироваться. От таких шуток ему было и легко на душе, и стыдно, и тяжело. Хотелось, конечно, оставаться, слушать весёлое щебетанье красоток, но деревенский стеснительный нрав оказался сильнее. Другой бы на его месте не остался без ответа, а он сорвался и убежал.

Мужики из его казармы, хоть и старались показать, будто ничего особенного не произошло, всё же были взбудоражены. Некоторые сразу же заняли очередь к рукастому Василию, чтобы сделать причёску. Безрукий Хлопуша нанял соседа подшить и поштопать свою одежду. Другие как бы невзначай вспомнив о своих лохматых бородах и усах, поспешили в умывальную комнату, чтобы привести себя в порядок. Но нашлись и те, кто посмел капнуть дёгтем в бочонку мёда. Мужик из шайки Серого по прозвищу Евнух, заметив переполох, громко захохотал:

— Хлопуша, чего ты прихорашиваешься? Думаешь, бабам нужны безрукие, как ты? Их же нужно шупать!

Хлопуша, молодой и стеснительный, растерялся и сник от такого издевательства.

— А ты, Василий, зря мучаешься с причёсками. Этих баб мужики из нашей казармы уже разобрали. Конечно, не очень приятно якшаться с такими калеками, но, как говорится, на безрыбье...

Василий не остался без ответа:

— А тебе-то какая забота? Зачем тебе баба? Ты же евнух! — От этого прикола в палате раздался дружный смех.

— Ну и ну! Правильно схвачено!

Евнух не хотел сдаваться:

— Я же не для себя... Что за напасть — баба? Для полного счастья хватает водки и папирос...

Но было видно, что его задели слова Василия и смех ребят. Евнух исчез так же незаметно, как и появился. Василий же сказал с сожалением:

— Да-а, он, конечно, не виноват, что стал евнухом...

За вечерней трапезой невозможно было скрыть, что мужская половина пансионата претерпела много изменений: мужики побрились, постриглись, одели всё лучшее, даже запах одеколona почувствовался в воздухе вместо терпкого пота и вони портянок. Прекратился мат, исчезла толкотня. Фронтовики вдруг повели себя как робкие школьники. Женщины в большой столовой сидели отдельно от них, и мужики старались не оборачиваться в их сторону. Якобы им всё равно, видали баб и получше. А Игнатьев, радуясь появившимся изменениям, приподнялся из-за стола, и произнёс речь:

— Уважаемые фронтовики! Как видите, нашего полку прибыло. На войне не только мужчины, но женщины проливали кровь. Что я хочу сказать? Женщин нужно любить и уважать! Не обижать! Оказывать посильную помощь! И, конечно, не мешать им тут жить! Понятно?

Последовало молчание. Но во взглядах ясно обозначилось полное согласие со сказанным. Фёдор Васильевич продолжил:

— В женском отряде 36 человек. Их начальником будет Зинаида Захаровна. Она — единственная женщина, сумевшая на фронте обуздать тяжёлый танк ИС-2! Она была командиром танковой роты, первой из четырёх женских экипажей вступившей в бой на Курской битве летом 1943 года! Девчата шли на таран вражеского танка, когда их машина загорелась! Они погибли смертью храбрых. Долгое время Зинаиду тоже считали погибшей, но потом, когда она пришла в себя в госпитале, выяснилось, кто она такая. — Игнатъев после многозначительной паузы торжественно произнём. — Зинаида Захаровна — Герой Советского Союза!

Столовая загудела в дружных рукоплесканиях. Зинаида с места потянула руки и попросила слова.

— Товарищи фронтовики, уважаемые мужики, вот так, по велению судьбы пришлось нам стать квартирантами. — Тут она немного осеклась, голос задрожал. — Мы все здесь люди, прошедшие огни и воды войны, немало испытавшие защищая Родину. Я надеюсь, что очень скоро мы подружимся и заживём единой семьёй.

И по виду, и по твёрдому голосу этой женщины было заметно, что она способна и за себя постоять, и за своих подопечных. Нет у неё ног ниже колен, но всем своим существом она показывает крепкую физическую силу и высокий боевой дух. Волосы, красиво уложенные на голове, делают её ещё выше, а милое и спокойное лицо указывает на степенность и великодушие. Ясно, что она — командир. А вот девушку, сидевшую рядом с ней без одной руки и одной ноги трудно назвать калеккой, ибо нужно быть слепым, чтобы не видеть её красоту и милую привлекательность. Она и одета была не в обычную гимнастёрку, а в шёлковый шифон. Тонкая талия крепко затянута узеньким ремнём. Длинная белая шея, чистое лицо, маленькая головка делают её похожей на волшебное изваяние. Волосы струятся по розовым щекам изысканными кудрями. Девушка непрерывно рассказывает сидящим вокруг что-то интересное, постоянно улыбается. Значит, искренняя и весёлая. А вот у той, которая давеча сказала Рамазану, что у неё самая мягкая перина, жизнерадостная натура выпирает напоказ, она постоянно хохочет.

Да и все женщины то и дело стреляют искрившими глазами в сторону мужчин, говорят о них. Вот от очердной шутки их стол чуть не взлетел под потолок. Многие захлебнулись чаем, но продолжали смеяться, кашляя и размазывая слезы. Это веселье вылилось через раскрытые окна на улицу, пошло звенеть по острову. Лицо начальника Игнатъева расплылось в улыбке, а среди мужиков вновь оживление возникло. Женский смех, как нечтно сокровенное на свете, был, есть и будет таинственным оружием в руках прекрасного пола.

ХОР

К осени озеро приобрело мутно-серый вид. С высокой горы оно простирается как безбрежное море без берегов. Летом хоть иногда замечались проплывающие куда-то суда. А теперь и их не осталось. Лишь белые кудрявые волны, гонимые холодными ветрами, с шумом ударяются о пустынный берег и, присмирив, откатываются назад. За ними идут другие, более свирепые, третьи... Вот так само с собой играет озеро, находит в этом утешение. А для Рамазана вошло в привычку с утра пораньше появляться на берегу, чтобы излить душу песней...

Он тихо сидел, но вдруг услышал позади шорох и обернулся. На встречу ему шагнула Люба.

— Извини, — сказала она. — Тебя видно из нашего окна... Ты, оказывается, поёшь!

— Да я так... Для себя, — пролепетал, покраснев, Рамазан.

— Да нет же, ты очень красиво поёшь, душевно. Я давно прислушиваюсь. Только слова не понятные.

Когда Люба подошла совсем близко, Рамазан протянул руку, чтобы помочь ей сесть рядом.

Рамазан часто видит эту девушку. Любуясь её заманивающей красотой, он всегда удивляется, как можно так быстро и и мастерски передвигаться на одной ноге с помощью одной руки. Вроде бы — так невозможно ходить, а она научилась. Лицом — красавица, каких поискать. Глядя на неё можно и про своё уродство забыть.

— Зачем так рано встала? — Парень задал, по своему разумению, глупейший вопрос, но что-то же нужно было говорить...

— А я птичка ранняя. Стала бы примерной женой для когонибудь, но только вот никто не зовёт.

Эти игривые слова совсем смутили Рамазана. Девушка хихикнула и здоровой рукой похлопала его по спине.

— Ты же мусульманин, да, Ромка? Я тебя как братишку привечаю. У меня был братишка твоего возраста...

— А где он теперь?

— Не знаю, в сорок втором году окончил военное училище, ушёл на фронт и пропал без вести... Я в Ленинграде пять лет жила в ожидании его.

— Так ты из Ленинграда?

— Да, я там родилась. Папа был военным, его братья, мой братишка — тоже. И я. Мы все из военной династии. Отец на войне под бомбёжку попал, и на братишек его тоже похоронки пришли. Мама стала жертвой блокады. Из всей большой семьи одна я осталась, вот в таком виде.

— И как же теперь... — Рамазан не смог договорить до конца.

— А я закончила музыкальную школу, по классу фортепьяно. Очень прилично пела. Но выросла и до смерти влюбилась в молодого капитана, подчинённого отца. Убежала от дома и поступила в разведшколу. Как только началась война, я обманам и правдой отстроила так, что оказалась на службе рядом с любимым. — Люба с ласковой грустью посмотрела на волнующееся озеро, посидела в молчании, потом продолжила рассказ. — Нас на фронте называли ППЖ — «походно-полевая жена», может, приходилось слышать? Зная, что у него есть в тылу жена и дети, я стала походной женой. Потому что любила! А меня многие осуждали. И ты тоже, Рома?

— Я?.. За что же?.. Нет... — Парень словно утонул в бездонной синеве, растерялся и умолк. — Люба, ты не плачь, ладно!..

— А я не плачу. Я уже давно не плачу. — Она улыбалась, а по щекам текли слёзы... — В январе сорок четвёртого втроём пошли на разведку. Через болота немцы постоянно стреляют из пушек, никак не пройти. Очень долго ползком добивались до их позиций, сделали топосъёмку, нанесли на карту вражеские укрепления. Но на обратном пути попали в засаду. Двое остались там. Я заторопилась, сбилась из проложенной безопасной тропинки. Чуть не дойдя до своих, утонула в болоте и там карабкалась полночи...

— Но ты же выкарабкалась, Люба! — воскликнул Рамазан, слушая рассказ девушки. Он схватил её дрожащую ладонь в свои руки. — Живая же, вот рядом со мной сидишь!..

— Да, выбралась... Наши утром подобрали... Вмёрзла я в лёд намертво... Откололи ребята... Но после болота рука и нога начали гнить. Отрезали... Потом ещё. Вот так меня обкромсали, Рома.

Рамазан сильнее сжал её руку. Утешительных слов не было.

— А мой любимый, который говорил, что разведётся с женой, женится на мне, увидел меня и ушёл, пропал без следа. Я потом слышала, что он вернулся живой к своей законной жене... Вот такая моя жизнь, Ромка! — Люба невесело взглянула на Рамазана, утопающего в своих мыслях. — Ты уж извини, что раскрылась перед тобой, побеспокоила...

— Нет-нет, никакого беспокойства! Я же всё равно сидел просто так...

— Но ты же пел! Спой ещё, а? У тебя мягкий баритон. А у меня — высокий, сопрано. Ты начинай, а я присоединюсь, — она тонкими пальчиками схватилась за его крепкий локоть.

Рамазан глубоко вздохнул, откашлялся для приличия, словно большой артист, потом гордо поднял голову и тихонько запел:

— Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой...

Следующую строку подхватила Люба:

— Выходила на берег Катюша,

На высокий берег, на крутой!

— Выходила, песню заводила...

Двое, крепко прижавшись друг к другу, начинали одну песню за другой. Голос Рамазана становился с каждым разом смелее, теперь он заполнил обрывистый берег, и, дойдя до казарм, всполошил всех. Ему подпевал тонкий женский голос, усиливая и придавая нежность и тонкость спонтанному дуэту. Когда дуэт остановился перевести дыхание, позади раздались аплодисменты. Оказывается, сзади подошли доктор Соломон и несколько медсестёр. Они слушали с умилением. Рамазану стало неловко, он даже собрался быстренько смотаться, но доктор остановил его, нажав на плечи.

— Замечательный дуэт складывается у вас, — сказал он. — Если найти ещё и гармониста, то можно концерты устраивать.

— Идея! Захар Соломонович, составим хор! — откликнулась Люба.

— Хор? А почему — нет? — подхватил Захар Соломонович. — Кстати, песня — очень полезная терапия.

— Вася играет на гармошке, только инструмента у него нет, — Рамазан высказал предположение и стушевался.

— А нельзя ли достать, Захар Соломонович? — Люба жалобно смотрела на главврача.

— Будет вам гармошка, будет! На следующий рейс парохода запишем инструменты для хора.

Люба оказалась старательной организаторшей. Тем же вечером она начала собирать певцов для будущего хора. Сначала люди подняли затею на смех. Но нашлись многие, кто хотел понравиться этой милой девушке, или те, кто устал от безделья. Среди них Люба и выбирала приличные голоса. И вот два десятка желающих собрались в комнате, приспособленной девочками под библиотеку и начали репетиции. Сначала все старались просто орать погромче, не обращая внимания на Любу, жестикулирующую перед ними. Но та оказалась упрямой: кого-то меняла местами, кого-то уговаривала, подсказывала, заставляла. То начинала песню, то вдруг останавливала, показывая, как правильно держать дыхание, как открывать рот. Люди возмущались, бранились, обижались, но через некоторое время в хоре возникло согласие, а в голосах зазвучали приятные нотки.

Всю длинную зиму работали с «творческим коллективом» Люба и Рамазан. К весне у хора появилось три гармониста и один скрипач. Хор состоял уже из пятидесяти женских и мужских голосов. Даже проходящие мимо острова пароходы замедляли ход, а пассажиров долго сопровождала мелодичная песня, заставляя всех подключиться к знакомым мотивам. Песня казалось, наполняет всё кругом, будоража души невероятной ностальгией, будя сладкие и печальные воспоминания. Но туристы не могли

понять источник удивительного явления: они вопросительно глядели то в небеса, то друг на друга. Лишь, приближаясь к острову, замечали на высокой горе странный строй людей, которые распевают песню за песней. И тогда с парохода становились слышны громкие рукоплескания, крики «Браво» и свист.

А хор не утихает, все поёт и поёт. Даже когда судно пропадает за горизонтом, эта кучка безногих и безруких калек ещё долго разносит песни по валаамскому раздолью, теша самих себя. Так и возникло в народе название — «Поющий остров».

СВАТ

Появление в военизированном пансионате женского пополнения не только вынудило мужчин укротить своё буйство, оно возбудило в них и мужские страсти. Каждому хочется завоевать внимание, найти пару, попасться на глаза и на слух женщин. Кто из мужиков откажется заработать ласковый взгляд, нежное слово от прекрасного пола. За одно это можно отдать жизнь! Отсутствие рук и ног не исключает порывы сердца!

Рамазан давненько и с интересом наблюдал, как Василий и Зинаида, долгую зиму вместе устраивая библиотеку и привлекая клиентов пансионата к чтению, начали сближаться и сами. Мастер на все руки Вася сначала подрядился туда мастерить полки для книг. Потом в его устах зачастило слово: «Зина,». «Зина сказала, Зина просила...» При Зине он забывал и своих друзей, и весь мир, и даже своё плачевное состояние. Больные в казармах сначала посмеивались, подтрунивали, но потом поняли, что у этих двоих слишком много общих мыслей и чувств. Спокойный и всезнающий Василий, деловая Зинаида для многих стали старшими родственниками. К ним обращались за помощью и советом. Зинаида, женщина грамотная, помогала выправлять документы девушек и парней, отыскивать их родственников, устанавливать связь с родиной. А Василий стремился как можно удобнее устроить быт больных: кому-то мастерил тележку, кому-то трость и костыли, а кому-то — приспособления к кровати. Пару полюбили все.

— А у Зинаиды Захаровны до войны семья была? — спросил однажды Рамазан, помогая другу строгать дощечки в приспособленном под мастерскую помещении. Василий обычно не сразу заговаривает. Рамазан, давно зная об этом, выдерживает необходимую паузу. Но вот Вася выдувает пыль от выструганной дощечки-заготовки, медленно поворачивается к другу и начинает:

— Была. Муж погиб сразу же. Двое дочерей были отправлены в тыл, но попали под бомбёжку. Разбомбили поезд, дети потерялись. Живы или нет, никто не знает.

— Тяжёлый случай... — Рамазан пожалел, что затеял этот разговор. Он не думал, что услышит столь печальную историю. — Да, действительно крепкая женщина Зинаида: у самой такое горе, а она заботится о других.

— В поисках дочерей куда только не писала! Попутно стала заботиться и о других. Она уже воссоединила немало судеб. До сих пор и сама надеется, ждёт...

Мужчины притихли и некоторое время посидели молча. И вдруг Рамазана осенило:

— А почему бы вам не пожениться, Вася?

Вася слегка улыбнулся, продолжая сидеть как ни в чем не бывало.

— Ты смотри, Вася! — вдохновлённо продолжил Рамазан, — я честно говорю: вы с Зинаидой — прекрасная пара!

И снова ответ — молчание... Наконец-то его друг нашёл силы заговорить:

— Легко ты рассуждаешь, Ромка... По тебе, вот так взять и переломить. Во-первых, зачем Зинаиде такой калека, как я? Во-вторых, она так предана своим воспоминаниям. В-третьих... да ну, пустое это!..

— Нет, Вася, ты послушай! Помолчи на этот раз! Ты, наоборот, станешь для Зинаиды опорой и помощником. А воспоминания... Пускай и они будут, никакого вреда!

— А любовь? Ведь должно же быть у этой женщины какое-нибудь чувство ко мне? — Вася с сомнением раскинул руки и превратился всем своим видом в огромный вопрос.

— Да всем уже известно, что Зина к тебе... равнодушна. Тебе она тоже не безразлична, так ведь? — Рамазан приблизился и впился в глаза друга, отчего Вася смутился и отвёл взгляд.

— Э-эх, друг!.. А кто бы отказался от такой женщины, как Зинаида? За её один взгляд я готов взобраться на ту гору!

От такого откровения окрылённый Рамазан ударил друга по плечу и рассмеялся.

— Так ты же влюбился!

Вася смущённо улыбнулся в ответ.

— Тогда не будем откладывать дело в долгий ящик! Давай, решим всё по-мужски. — Рамазан не выдержал, в нетерпении загрохотал маленькими колёсиками по мастерской, катаясь туда-сюда. — Идём к ней свататься!

Что ты говоришь? Такие дела разве так легко решаются? Кто сватать, например, будет? — Василий жёстко хмурит брови.

— Кто-кто... Например, я! Пойду и посватаю! — Рамазан сам удивился своей смелости — откуда появилась такая прыть и опрометчивость? Слово — не воробей.

— Т-ты? — Василий прикрыл лицо ладонями и впал в глубокую задумчивость.

— Да, я. А что, не гожусь? Язык есть, голова на плечах. Ладно, ног нет... — Парень попытался все превратить в шутку. Но другу его уже было не до шуток. Он не против затеи Рамазана, но всё ещё не может прийти в себя. Глаза смотрят с надеждой, а язык говорит совсем другое:

— Если не согласится? Выгонит с треском... Тогда что будем делать, Ромка?

— Не выгонит! Вот увидишь! Всё — решено, сегодня же после ужина отправляюсь к ней!..

Вечером Рамазан обнаружил Зинаиду Захаровну в библиотеке. Женщина сидела за столом и что-то писала: но ли прошение за кого-то, то ли письмо вместо кого-нибудь. Часто заглядывавшего сюда паренька она хорошо знала, но он из-за своей стеснительности держался на расстоянии. И вдруг присел напротив в ожидании чего-то. Она уставила на парня пытливые глаза. Ему стало неловко, но всё же он не отвёл взгляд:

— Зина... Зинаида... Зинаида Захаровна...

— Да, я... — Она сидела и ждала, что же скажет этот чернявый молодой молчун.

— Зинаида Захаровна...

— Да-да, я — Зинаида Захаровна, тридцать пять лет так называюсь, — мягко улыбнулась она. Эта улыбка придала «свату» уверенности, и он выложил всё сразу, на одном дыхании, немного заплетаясь:

— Я прошу вашей руки, Зинаида Захаровна. Стать женой... Жить вместе...

Женщина откинулась назад, упёрлась спиной о спинку стула, резко прикрыла ладонью рот и ошарашенно взглянула на парня круглыми голубыми глазами. А он продолжил как ни в чём не бывало — главное уже сказано:

— Василий Егорович — очень хороший человек, настоящий мастер! У него душа добрая! Но вы же его знаете...

— Уф!.. Василий, что ли? — Она перенесла дрожавшие руки к лицу и будто покачнулась. — А я подумала, что ты сам хочешь жениться на мне!..

Рамазан понял свою ошибку, поспешил быстрее поправиться.

— Да нет же, нет! Василий Егорович! Я пришёл от его имени сватать тебя. Сват я, сват!

— Сват? Ай да, Рома! — Зинаида весело и долго смеялась. До слёз на глазах. Потом смех превратился в рыдания, она всхлипывала, вздрагивая плечами и закрыв глаза

руками. Потом надолго притихла. Рамазан потянулся, желая приобнять её, но постеснялся и отвёл руки.

— Зинаида Захаровна, нет так нет, только не плачьте, ответьте, пожалуйста.

Нет, Зинаида не плакала. Она задумчиво смотрела на Рамазана, уставившегося на неё.

— Ну и что же ты ждёшь от меня? — чуть-чуть улыбнулась женщина. — Скажи другу своему: пускай приходит, поговорим. Без этой вашей комедии со сватовством.

У Рамазана рот растянулся до ушей, он даже хотел вскочить, словно забыл, что ног нет, а он только присел перед этой замечательной женщиной.

— Есть, товариш командир! Он сейчас же будет тут!

— Ну не сразу же... Можно и завтра!

Но «танкист» уже на слышал её, он, сломя голову, нёсся к своей казарме, торопясь обрадовать друга.

Через неделю состоялась свадьба, самая первая в истории панисоната.

После свадьбы новой паре предоставили отдельную комнату: убрали из неё хлам, покрасили-побелили, обставили найденной мебелью. Пансинат не остался в стороне от такого чрезвычайного происшествия: начальник и главврач сделали личные преподношения влюблённым. После этого к Рамазану надолго прилипло прозвище «Сват». Его похождения в этой роли Зинаида рассказала как хохму девушкам в палате, а те сейчас при виде Рамазана сразу начинают улыбаться.

— Ромка, а меня посватай, а?

— И меня, Ром! Найди мне жениха, пожалуйста!

— Ромка, хоть басурманина, сгодится! Когда ждать?

Рамазан лишь смущённо улыбается, пожимая плечами. Тут бесполезно отмахиваться, только раззадоришь девушек.

Переведа стрелки времени немного вперёд, нужно сказать, что у Василия с Зинаидой родились четверо крепких парней, именно они стали первыми гражданами острова Валаам. Один из них стал журналистом, запечатлевшим воспоминания родителей на бумаге.

ЛЮБА

Многие с завистью смотрела на молодых людей. Любопытно было глядеть, как они гуляют вместе: Василий с превеликой осторожностью толкает впереди себя тележку с женой, а та, выпятив огромный живот, мило улыбается, довольно восседая на троне любви в ожидании грядущего пополнения. Эта идиллия семейной жизни многих возбуждает, будя в женских душах вполне объяснимое чувство ожидания своего счастья. Желания материнских чувств, быть любимыми, заботиться о чьём-то благополучии, ухаживать за кем-то — эти природные потребности женского организма вынуждают бывших фронтовичек всегда быть красивыми.

Став на войне калекой, оказаться обречённой на вечное затворничество на этом диком острове? Это судьба? Нет! Живой пример Василия и Зинаиды — перед глазами! Мысли меняются, а с ними — и желания. Как в высушенную досуха землю падают первые капли дождя, обогащая её влагой, так и в эти души проникает семя надежды, пробуждая новые мечты и желания. Женщины хотят стать ещё красивее и привлекательнее, замечая приглядывающих за ними одичавших мужиков. Они пытаются хоть взглядом объяснить своё безразличие, понимание и сочувствие. Конечно, мужское население клевало на такие соблазны. Возникало соперничество, возникали скандалы, иногда доходило до драк. А заканчивалось тем, что, пройдя через испытания, некоторые пары объединялись.

Люба всё сильнее привязывалась к Рамазану. Приносила из библиотеки хорошие книги, садилась за ужином поближе, на репетициях старалась коснуться его рукой, стирала его грязные рубашки, возвращая их обратно со сладким ароматом женского духа... Рамазан терял голову от возможной близости, доводил себя до иступления. Казалось ему, что однажды не вытерпит, возьмёт и прижмёт к груди эту хрупкую женщину, навсегда связав жизнь и судьбу с ней. Но только подумает о таком исходе — в самых глубинах души просыпается какое-то противостояние. Оно возрастает как снежный ком и становится поперёк горла, затмевая всю сущность одним словом: Залифа... Будто с этим именем связано всё святое для парня: родина, мать, родные, которых он изо всех сил пытается забыть. Или перегораживает его решительный шаг гордость, что обрекла их к вечному безуспешному ожиданию? Не поймёшь...

Залифа, черноволосая красавица, скромная и пугливая газель, — она была в его жизни или нет? Возможно, она уже не ждёт его, давно вышла замуж и вспоминает Рамазана так же, как и он её — было-не было... Нет Залифы, а, может, и не было? А Люба есть, вот она — рядом, ждёт его ласки. Подойти, обнять, сказать сокровенные слова. Ну и что, что она русская! Красивая же, даже очень красивая. Мягкая, нежная, ласковая. Ну и что, что калек! Рамазан тоже не из тех, кто на лошадь запрыгивает с первого рывка. Ну и что, что она была чьей-то любовницей. Те времена давно канули в лету. Наверное, уже их любовь сгорела, воспоминания улетучились. Разве Рамазан сам не любил? Сколько ночей он падал на подушку и долго-долго всхлипывал, обливаясь слезами. Он горел в адских мучениях, предствалая любимую в чужих объятиях. Мало было таких удручающих минут? До войны, на войне... Если посчитать и эти годы, тут, то получается более десяти лет. За это время столько воды утекло, жизнь проходит...

На красавицу Любу обратил внимание и Серый. А когда не получил ответного чувства, откуда-то откопал её «походно-полевые» прошлое и вылил в народ, словно ушат помоев. Тогда остановил Рамазана, чтобы дать совет:

— Рома, ты же намного моложе меня, — сказал он, стараясь быть как можно доброжелательнее. — Поэтому я говорю тебе как братишке: зачем тебе нужна эта метла? Она же была любовницей своего командира! Так и воевала. Тоже польза, конечно, только зачем ты за ней волочишься? Давай, поделись с нами. Тоже будем не хуже командиров.

Серый попытался смеяться охрипшей от курева гортанью. Еле удерживая себя от злости, Рамазан ответил кратко:

— Ну и пусть...

И поспешил удалиться, чтобы дело не обернулось очередным скандалом.

Но через несколько дней ему пришлось пожалеть, что при той встрече он сдержался. Нужно было, оказывается, сразу — бить, бить и бить...

Был тихий вечерний час — время прогулки «самоваров» и неподвижных больных. Рамазан с Любой, как всегда, прихватили на корзине Антошу. Этот искренний парнишка удобно расположился между ними и начинал веселиться: что-то рассказывал, хохотал, даже запевал. Его очень любят все, а Антошка не отрывает глаз от миленькой Любы. Они пришли к излюбленному месту на берегу, а перед ними предстал неприятный для всех Серый.

— Мадам, пройдемся немного, есть несколько слов тет-а-тет, — обратился он к Любе, попыхивая сигаретой. Люба даже не сдвинулась с места. Она уже давно устала от приставаний Серого, несколько раз даже отвергла присланных им сватов. Девушка ничего не ответила, тогда мужик обратился к её спутникам:

— А может вы пройдётесь на стороне?

Не успел Рамазан ничего сообразить, тут же вмешался Антоша:

— Ещё чего? Может, тебе ещё и портянки подсушить? — Он криво усмехнулся, чуть приподняв голову из корзины.

— Ты, полено, сиди смирно! — Сергей вскипел. Он не собирался уходить отсюда. — Ну, Люба, мне поклониться перед тобой?

Люба посмотрела на него снизу вверх.

— Не надо. Ни поклонов твоих, ни разговоров пустых. Иди своей дорогой, Серёжа, не беспокой меня.

— Люба, — начал снова Серый, но его перебил громкий крик Антона:

— Сказали же тебе: иди своей дорогой!

В этот момент Серый, не зная на ком выместить вскипевший гнев, ударил костылём по корзине, в которой сидел беспомощный Антошка. Корзина вместе с грузом упала и покатилась вниз по склону. Когда Рамазан с Любой пришли в себя, было уже поздно: корзина полетела вниз с обрыва. Рамазан устремился за ней, падая и катясь, но сумел остановиться прямо над пропастью. Люба же кричала на весь берег:

— Помогите! Спасите! Рома! Антоша! Убили!

Пока прибежали с берега санитары и охрана, оттащили от обрыва Рамазана и Любу, успокаивая орущую на весь мир девушку, прошло довольно много времени. И виновник этой трагедии Сергей улизнул. Не было до него никому дела. Охранники, понявшие ситуацию, вышли через ворота, спустились в обход обрыва к берегу и через некоторое время подняли наверх окровавленное тело на плащ-палатке. Увидев его, измазанного глиной, Люба заголосила ещё сильнее.

— Антошка! Что же с тобой сделали, родненький мой?

Рамазан устремил вопросительный взгляд на охранника, идущего впереди. Тот печально pokrutil головой.

Рамазан со всей силой ударил кулаком о землю, повернул тележку и заторопился к казармам: нужно поймать этого проклятого Серого и выместить на нём вскипевшую злобу. Он готов схватить его за горло и грызть зубами! Но мужика не нашли ни в казарме, ни в пансионате вообще. Скоро к поискам присоединились все, кто мог, но Серый «провалился» как песок сквозь пальцы. Назавтра охрана организовала поиски беглеца в окрестностях, но тоже бесследно. А Антошу похоронили на лесной поляне недалеко от лазарета. Это кладбище скоро начнёт расширяться, там будет много могил. Антошина стала первой, огороженной оградой из камней.

Не успел народ отойти от горя, случилось ещё одно событие, удивившее всех. Пароход делал очередной рейс, он повернулся в сторону пристани, чтобы разгрузиться. Все ожидали грузовиков с продуктами. Из кабины одной машины вылез мужчина в военной форме, поставил на траву чемодан и оглянулся по сторонам. Люба, сидевшая рядом с Рамазаном, вдруг вскочила и закричала истошным голосом:

— Макси-им! Максимка! — Она вскочила и захотела побежать, но сразу упала, запутавшись ногой о костыли. Хорошо, что Рамазан успел подхватить. Только девушка вырвалась и от него, всё ещё пытаясь бежать сама. За это время военный успел приблизиться, подхватил и обнял девушку, приподняв её на руки. Костыли разлетелись в стороны. Мужчина снова прижал Любу к груди, а потом расцеловал её. Люба тоже крепко прижалась к нему, то плача, то смеясь. За ними наблюдало довольно много зевак, гадая и переговариваясь между собой.

— Братишка же это мой! — объявила Люба. — Родной, единственный! Живо-ой! — Она снова прижалась к груди парня.

Вечером Люба познакомила брата с Рамазаном и Василием. Они долго сидели и вели разговор. Максим, оказывается, служил в секретной части, поэтому не имел

возможности сообщить об этом родственникам. Запрещали даже сестре написать. И после войны он служил за границей, продолжая секретную миссию.

Месяца два назад он вернулся домой, а там... В их квартире живут чужие люди. И никто не знает, куда делись прежние хозяева. Он отправился по старым друзьям и знакомым, выпрашивая и выясняя. И наконец-то разведчик узнаёт: на острове Валаам находится его единственная сестра! Вот он и тут.

Назавтра спозаранку они договорились встретиться на пристани. Рамазан уже стоял и ждал Любу на их привычном месте — на высоком берегу озера. Она тихонько подошла к нему, присела и уткнулась в плечо парня. Рамазан тоже без слов взял её в объятия. Люба прижалась ещё сильнее и прошептала в ухо:

— Рома, дорогой, айда с нами. Вместе будем жить. Я буду тебе хорошей женой. Всё будет так, как ты пожелаешь. Хочешь, я стану мусульманкой?

Рамазан догадывался, что разговор на такую тему возникнет. И боялся этого. И не знал, как ответить.

— Люба, Любаша... Я знаю, ты очень хорошая. Ты самая красивая и умная...

— А что же тогда мешает нам быть вместе? Почему ты сторонись меня? Тебя пугает моё уродство?

— Да ты что? Какое уродство? Я же вижу только твою красоту и душевное тепло. А вот не могу тебе объяснить, что мешает.

Люба отстранилась от его объятий и отошла немного в сторону.

— Я догадываюсь, что тебя сдерживает.

— Что? — Рамазан сидел и ждал, что она скажет то, чего он сам боялся.

— У тебя в душе живёт другая. Тебя пугает данное ей обещание?

Клятва! Рамазана вдруг осенило, словно его облили ледяной водой. Да-да, обещание! Он же поклялся Залифе...

А Люба продолжила:

— Я восхищаюсь тобой. Сильным и принципиальным, умеющим оставаться верным сказанному слову, данному обещанию, первой любви... У меня это не получилось, я слишком слабая. Безхарактерная какая-то... — Люба хотела повернуть разговор в обычное повседневное русло. Рамазан с удивлением повернулся к ней и взглянул — на красивое лицо, на земляничные губы, на лебединую шею.

— Это кто, ты — безхарактерная? Ты героиня, Любаша! И сердце у тебя золотое. О себе не думай так приземлённо. Твой избранник будет самым счастливым мужчиной на свете!

— Только жаль, что мною избранные не хотят жениться на мне, — девушка глубоко вздохнула и попыталась улыбнуться. Рамазан подыграл:

— Потому что у этих мужчин нет ума! Безголовые они.

После обеда Любу провожали всем пансионатом. Рамазан долго, пока пароход не скрылся за горизонтом, сидел в тяжёлых раздумьях. Словно что-то большое вырвалось из его души, невзрачный остров показался теперь ненужным, нет в нём никакого смысла и утешения.

Люба обещала ему писать. Упреждая события, скажем: Люба сдержала своё обещание. Теперь их надолго будет связывать поток непрекращающихся писем. Они даже встретятся! Полвека Великой Победы Рамазан отпразднует вместе с Любовью Андреевной.

МАТРОС

Самый авторитетный человек в пансионате — Матрос. И самый старший среди всех. По документам ему уже восемьдесят лет. Как сам утверждает, на деле и того больше. Он родился в горах, и пока родители спустились с гор и оформили ему метрику, прошло несколько лет. Таким образом в чабанских семьях оказались разновозрастные дети одного и того же года рождения. Если верить его воспоминаниям, от Чёрного моря до горных ледников, где никогда не тает снег, где находится их кишлак, нужно было очень долго подниматься. В подростковом возрасте, когда мать отправилась в мир иной, отец решил с детьми спуститься с гор в низину. Так они стали жить — шестнадцать детей и папа! — около рыбаков на море. Отец снова женился, от второй жены родились ещё восемь детей.

Один из них, двадцатилетний абхазский джигит Батал Зухбай в 1904 году пошёл на Русско-японскую войну. Вернувшись во здравии, женился. Потом пошёл на Первую мировую войну, оставив дома жену и двоих сыновей.

Но и там судьба смилостивилась над ним. Он вновь вернулся с войны, даже без царапин на теле. Грудь Батала украшали два Гергиевских креста. Дома он занялся привычным рыбацким делом, и у него родились ещё три богатыря.

Когда началась война с немецкими фашистами, его пять сыновей, уже женатые, один за другим призываются на фронт. И похоронки начинают приходить тоже одна за другой... Третью похоронку жена не выдержала: она тихо умерла, бережно приобняв кучу писем от сыновей. Ещё две похоронки старик уже получает один. Потом собирает все сообщения про геройские смерти сыновей, складывает их в нагрудный карман и идёт к черноморскому порту — напрашивается на службу. Посмотрев документы, ему говорят, что староват для службы, не годен. Старик Батал выкладывает на стол перед командиром все пять похоронных бумажек: Аслан, Беслан, Баград, Барнук, Архас — принимайте!.. Батала берут в хозчасть порта. Он занимается то извозом продуктов в столовую, то смазкой техники в мастерских, то возит уголь. Несколько раз провожает морские лайнеры на задание и не дожидается их возвращения! Ставших родными парней он провожает, похлопывая по спине натруженными руками, потом долго смотрит на горизонт, надеясь первым встретить их в порту... Не дождавшись, затягивает песню:

*Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от этой земли...*

Осенью 1944 года, когда в том порту не осталось и следов пребывания фашистов, старый моряк становится жертвой немецких разведчиков, посланных для уничтожения морской техники. Мощный взрыв на лайнере, тихо дремавшем на причале, заставил вскочить спящих матросов. Большая часть военных погналась за диверсантами. А на охрану порта оставили небольшую группу. Самым первым поспешивший к месту трагедии Батал во всеобщей суете бросается на выручку. Хорошо зная расположение кают на судне, он бросается в самую гущу пожарища, заранее обливаясь водой, но остаётся под обрушившимися обломками и калечит ноги. Он выбрался из теплохода. Но пришёл в себя уже без ног...

В отличие от Рамазана, старый Батал не очень горюет за потерянные ноги, его удивляет другое. «Мои пять сыновей — мои львы, погибли, а я, пройдя три войны, почему до сих пор живой?» — недоумевает он. Этот же вопрос старик часто задаёт и Рамазану, который задумчиво строгаёт доски в мастерской. Нахмутив густые брови, Батал упрямо вопрошает: почему так получилось, почему мир устроен так? Потом он многозначительно тычет пальцем в небо: только он знает!..

Перед окончанием войны значительная часть абхазов попадает под сталинскую депортацию народов. В суматохе событий пропали без вести двадцать три брата старика Батала и около двухсот их родственников.

Оставшись без ног, Батал узнал про Валаам и добрался сюда. Он уже не собирает никого беспокоить своим присутствием. Несмотря на почтенный возраст, старик здоров телом, крепок духом, хорошо слышит и видит. Молчалив, но, если скажет, то рубит правду-матку в глаза. Не юлит, не оправдывается. С Рамазаном они спелись. «Ты на меня похож!» — заявляет иногда старик. Таким образом, он как бы одобряет поведение молодого парня. Батал — очень хороший мастер по дереву. Берёт ненужную чурку, а через два-три дня из неё делает какую-нибудь нужную вещь. Все женщины благодаря умельцу завелись красивыми шкатулками с изысканной резьбой, сундуками и полками. Чего только не делал Батал для детей Василия: и медведей, и лошадей. Каждому новорождённому дарил люльку, узнав, что в пансионате ожидается прибавление. Украсит чудо-люльку деревянными игрушками и незаметно оставит её у дверей комнаты новых родителей. Его очень любят дети. И только начинающие ходить, и те, кто постарше, так и вьются у ног старого моряка, слушая его рассказы.

Старый дед никому не отказывает. Он легко шагает на деревянных ногах, с удовольствием исполняя каждую просьбу малышей. Когда Зинаида чувствует, что её дети слишком досаждают старику, она незлобно бранится. А добрый дед легко улыбается и машет рукой: «Иди своей дорогой, Зинаида, тут у нас мужской разговор!» Зине такая помощь всегда кстати: у неё — огород и птичник. Пансионат завёл свою ферму, и туда нужно поспеть на дойку.

Матрос — незаменимый помощник для женского населения. «Поэтому Бог и не забирает тебя на небо, — говорит старику Рамазан, — ты очень любишь детей.»

— А кто их не любит? — ответил Матрос, зыркнув глазами сквозь густые брови. — И тебе дети нужны.

— Дети — не рыба, их в воде не поймашь, — Рамазан ответил весело, радуясь удачному сравнению, но старик осадил его:

— Откуда дети берутся, я без тебя знаю. У моего отца осталось двадцать четыре ребёнка, а у моих пятерых сыновей — восемнадцать внучат. Наверное, хотя бы половина из них живы-здоровы. Надеюсь, они продолжают мой род на этой земле. А что останется после тебя?

Рамазан заморгал глазами и крепко стиснул зубы. А старик продолжал:

— Вот так-то, ничего не останется! А я успел внукам рассказать всю родословную своих предков. Их ночью разбуди и спроси — всё знают и всё расскажут. Если хоть один из них выживет, он будет знать, от кого произошёл, кем были его предки. Эту цепочку нельзя разрывать. Она — непременное условие выживания народа.

— И у нас есть такой порядок. Я тоже знаю свою родословную, — сказал Рамазан. И он стал перечислять запомнившееся с детства имена: Умурзак, сын Умурзака Калмык, его сын Сайфульмулок, его сын Ахметсафа, после него Казыхан, его сын Абдрахман, и — Рамазан!

А будет ли сын Рамазана? Неужели его родословная закончится?

— А что я могу сделать? Не хочу жениться!..

Старый Батал метлой подбирает опилки с пола мастерской, а сам одновременно продолжает важный разговор:

— Я понял, сынок: что ты тут не женишься. В прошлом году упустил такую девушку!.. Значит, твоя судьба не здесь.

— А где же, как вы думаете?

— Может быть, на родной стороне... Возвращаться тебе нужно, сынок. Ты молодой, сильный, да и есть куда ехать. Тебе нужно жить со своим родом. Там твоя вера, твой народ, твои обычаи.

— Вот в таком виде? — Рамазан показал на нижнюю часть своего тела, где когда-то были ноги.

— У родных людей ты в любом виде будешь родным. Сам же видишь: от безногих и безруких тоже рождаются нормальные дети.

Старик подмёл опилки и стружки, взял свечу и зашагал из мастерской, Рамазан покотил на тележке за ним. Под тусклым светом лампы два необычных человека двигались по длинным извилистым коридорам. Они пройдут этой дорогой ещё не раз. Абхаз Батал Зубхая умрёт в пансионате Валаам в 92 года. Его скороговорки «Аслан, Беслан, Баград, Барнук, Архас...» выгравировуют на могильной плите. Так народ покажет почтение и уважение Матросу.

После восьмидесятих годов минувшего столетия, когда пансионат уже закрылся, на острове в честь ветеранов войны поставят стелу. На торжественной церемонии будут присутствовать родственники абхаза Батала. После посещения могилы прадедушки в книге памяти они оставляют запись: «От имени 46-ти внуков и правнуков...»

Пароход протяжно погудел и проплыл мимо острова на пристань. Его было хорошо видно с горы. Только грузовики от пристани что-то запаздывали. Игнатьев и заведующий столовой выходили и посматривали, но обоз с продовольствием всё не показывался! В конце концов, Фёдор Васильевич взял с собой двух конвоиров и на мотоцикле поехал на пристань.

Они вернулись через час и сразу объявили по всему лагерю сигнал тревоги. Все, кто может двигаться, собрались у главного входа.

— Товарищи, — начал Игнатьев взволнованным голосом, у него даже дрожали руки. — У нас ЧП! На пищевой обоз совершено нападение! Вернее, обоз угнали совсем! Остановили на полпути, скорее всего, была перестрелка — на дороге видны следы крови. Охрану, возможно, убили. Но тел на дороге не осталось.

Раздались голоса, началось оживление.

— Не зря говорили, что на острове появилась банда...

— Надо что-то делать. Нельзя ждать голодными целый месяц очередного рейса!

Игнатьев поднял руку и попросил тишины.

— Вы правы, товарищи! Нужно сейчас же принять меры! Бандиты только и ждут, чтобы мы присмирели. Тем более, у нас мало осталось припасов: керосина и муки хватит только на два дня. В обозе, кроме продуктов, должны быть и тёплая одежда, и медикаменты.

Женская часть пансионата растерялась, а вот мужчины взбунтовались от такой новости:

— Дайте нам оружие, Фёдор Васильевич!

— Давайте, пойдём и поймаем бандитов, пока они не скрылись совсем!

— Помощи ждать неоткуда...

— Грузовики по бездорожью далеко не уйдут...

Фёдор Васильевич, выслушав мужчин, покивал головой в знак согласия и снова выступил вперёд:

— Товарищи фронтовики! Я призываю всех, кто может ходить, ещё раз взяться за оружие и защитить самих себя! Мы, победившие фашистских захватчиков, и бандитов призовём к ответу!

Все разом встрепенулись. Уже привыкшим к мирной жизни солдатам вновь захотелось защитить всё население острова и самих себя. С теми, кто возьмётся за оружие, пришлось сначала разобраться главврачу. Он разделил стоящих в строю на «годен» и «негоден». Но и негодных тоже вооружили и выставили вместо охраны вокруг пансионата. Охранники провели для них инструктаж. А остальных разделили на три группы и отправили в разные стороны от лагеря.

Группа Рамазана состояла из двух здоровых охранников, повара, санитаря и семи «танкистов». Вторую группу возглавил сам Игнатьев. Третью взял под командование доктор Соломон.

Осенний день быстро вечерел, ушли недалеко. Легли спать на мягкой хвое, выставив охрану вокруг себя. Каждые два часа менялись посты. Рамазан не хотел ставить на караул Матроса, как пожилого человека, но тот настоял, ссылаясь на свою бессонницу. Рамазан не хотел брать на поиски этого старика, но Баталом особо не покомандуешь. В поход он собрался быстрее других, прицепив к поясу кинжал. Директор с главврачом многозначительно переглянулись, но ничего не сказали.

Рано поутру снова двинулись на поиски. На болотистых местах были чётко видны следы грузовиков. То они едут по дороге, то сворачивают в лес. Разводя машины,

захватившие обоз пугали следы. Когда остановились на обед, посланные вперёд разведчики вернулись.

— За этой горой есть пещера, — сообщили они. — Там стоит машина, но людей вокруг не видно...

Желание покушать улетучилось. Взялись за оружие и пошли в гору. Поднявшись к вершине, ползком спустились в сторону пещеры. Прячась за деревьями, подобрались к грузовику. Кабина была пустая, в кузове тоже — никого. Значит, враг — в пещере! Преследователи только вошли в неё, но тут из-за леса появилась другая машина. Сюда едет! Раздалась команда: «Ложись!» Все заняли удобные позиции, готовясь к атаке. Грузовик остановился рядом с первым. Из кабины и кузова выпрыгнули человек десять. Они сразу же были встречены огнём на поражение — с бандитами не церемонятся! Пошла пальба! В это время раздалась команда: «Идут из пещеры!» Приготовились и к этой встрече.

Рамазан развернул свою тележку к светлой зоне. Бандиты бежали гурьбой, не думая об осторожности. Первые двое были тут же сражены автоматной очередью, остальные укрылись за камнями. С двух сторон между огней остались наступающие. Невозможно было поднять голову.

— Стреляйте прицельно! Патроны зря не тратьте! — Один из охранников, зажимая раненое плечо, подавал команды. Батал подполз к нему и сделал перевязку. Бандиты почувствовали, что пришёл небольшой отряд с ограниченным количеством оружия, и осмелели. Решили не торопиться, укрылись за камнями и закурили, дожидаясь своего часа.

— Эй, фраера! Вам жертвы нужны? Если нужно, сделаем! А если нет, может, договоримся? — человека, укрывавшегося за колёсами машины, конечно, все узнали.

— Серый, — Рамазан зло стиснул зубы.

— Ну, как — будем договариваться? Вы остаётесь с нами, а добычу поделим.

— Мы не будем разговаривать с бандой шакалов! — Раненый охранник ответил за всех.

— А ты, сопляк, не решай за других! Твоя работа — служить, через два-три года уедешь к маме. А эти фронтовики, они такие же брошенные люди, как и мы. Я хочу говорить с ними.

— Тогда выходи, поговорим вдвоём, — разозлившийся Рамазан начал было подниматься, рядом лежащий Батал осадил его, схватив за рукав.

— А-а, басурман, и ты здесь? — Сергей довольно засмеялся. — Считаю, попался!

— А ты мне ещё за Антошку ответишь!

— Отвечу, отвечу, какие ещё вопросы будут? На все ответим. У нас времени навалом, торопиться некуда.

Бандиты перекурили, поговорили между собой, потом главарь Сергей снова решил уговорить сдаться.

— Мы твоё слово слышали, басурман, а что думают другие? Ведь не все же хотят погибнуть? Тут я вижу голову Матроса. Салам-aleyкум, уважаемый! Что же вы скажете, умнейшая голова?

— Ты же знаешь, Серый, я живу своими законами. — Батал включился в разговор, в его голосе не было ни тени злости. — На моей земле тигры и шакалы в одной стае не ходят. Если даже состарится тигр и не сможет охотиться, он не станет мараться остатками шакалей еды. Он поднимается на вершину горы и умирает там гордо и величаво. А твоя душа — гнилая, ты привык питаться ворованным и награбленным...

— Ах, так... — Серый прикинулся задумчивым, — Я нечаянно подумал, что ты — старый калека, а ты, оказывается, гордый барс! — К его хохоту присоединились и другие члены шайки.

— Чтобы быть барсом не нужны ни ноги, ни руки. Нужно только сердце! Да и шакалом стать не трудно.

— Тогда пеняйте на себя! Мы, воры, не такие гордые, как вы. Мы только хотим жить в достатке и мирно, — крикнул Сергей и снова открыл огонь. Пули от его автомата попадали в камни и отскакивали по сторонам. Опять началась перестрелка. Рамазан почувствовал, что появились жертвы. Но нет возможности выяснить и помочь. Ему нужно уничтожить идущих из пещеры, или хотя бы задержать их.

В самый разгар боя снаружи послышались чьи-то голоса, которые потом стали яснее:

— Ур-ра!

Рамазан поднял голову.

— Ур-ра, ребята, это наши!

На Рамазана был наставлен пистолет, но в это время врага поразил кинжал, который точно метнул старик Батал. Пошла рукопашная! Банду загнали вглубь пещеры. Оттуда отстреливались. Истребив наружных, Рамазан устремился к пещере, и вдруг, напротив него встал Серый.

— Басурман, ты не проживёшь дольше меня! — сказал он, нажимая на курок. Падая, Рамазан успел поймать и повалить Серого на себя, заодно успел схватить его автомат и нажать на спуск. Оказавшийся на подбородке ствол, длинной очередью снёс голову вору в законе.

Прибежавший на подмогу Василий нашёл в луже крови двоих, намертво сцепившихся друг с другом.

К вечеру все вернулись в пансионат, загрузив в машины ворованные продукты и одежду, а также мёртвых и раненых.

ЗАЛИФА

— Ну-ну... Открой глаза! — Бархатный голос Тараса Соломоновича, кажется, слышится издалека, тёплая ладонь его ложится на лоб. Наклонившееся лицо тоже видно как в тумане. — Ромка, сынок, не сдавайся! Слышишь меня? — доктору не нравится, что раненый закрывает глаза, чтобы уснуть. — Открой глаза, это приказ!

Рамазан не прочь подчиниться приказу, но нет сил поднять веки. Он снова проваливается в бездонную пропасть...

Со временем глаза сами раскрылись. Как будто он проснулся от долгого сна. Сообразил, что находится в лазарете! Санитарка, задумчиво смотревшая в окно, словно услышала шелест его ресниц, обернулась и спросила:

— Проснулся? — Она внимательно осмотрела повязку на животе раненного и крикнула кому-то в другой комнате:

— Он пришёл в себя!

Появилось несколько санитаров. Потом зашёл главврач Тарас Соломонович. Он, кажется, спал, потому протирал усталые глаза.

— Ну, герой, как дела? — улыбнулся доктор. Ответить ему у Рамазана не хватало сил. Он испугался этого — неужели теперь и говорить не сможет? Врач поспешил успокоить:

— Не беспокойся, язык твой на месте, говорить будешь. В двух местах я соединил кишечную трубку, другие места не трогал. — Рамазан смотрит на доктора с молчаливой благодарностью. — Честно говорю, я даже не верил, что смогу спасти тебя. Крови ты много потерял, и рана была серьёзная. Вот так, сынок... Теперь, если будешь послушным, через месяц встанешь на ноги... — сказал врач и быстро поправился. — То есть сядешь на тележку.

Рамазан даже не мог представить, как он сможет лежать, словно привязанный, целый месяц. Но друзья не дали ему скучать. И кроме Василия с Матросом много было тех, кто несмотря на роптания медсестёр, приходил и усаживался около кровати, что-то говорил или просто молчал.

— Какой смысл лезть на спящего человека? — удивлялась санитарка, устав отгонять настырных посетителей.

— Близость человеческих душ, дорогая, определяется не только громкими разговорами и объятиями, — говорит ей главврач. — Чувства проявляются и без слов, на расстоянии. И именно вот те, которые без слов, понимаются более глубоко и основательно.

Когда Рамазан немного окреп, начал самостоятельно есть, к нему зашли Василий с женой Зинаидой. Жена друга испекла для него пирог и вскипятила чай. Потом, несмотря на его жёсткое сопротивление, поменяла бельё. Всё это делала с какой-то молчаливой таинственностью.

— Рома, родимый мой, — заговорила наконец Зинаида, убрав посуду и примостившись рядом с мужем. — У нас есть серьёзный разговор к тебе. Ты ведь знаешь, что я занимаюсь поиском пропавших родственников клиентов пансионата. И переписываюсь с ними. — Зинаида говорит осторожно, тщательно подбирая слова. — Два года назад мне прислали заметку из одной газеты. Там какая-то комсомолка напечатала рассказ взрослой женщины, у которой без вести пропал сын. Похоронки не было. Однополчане сообщили, что солдат был отправлен в госпиталь с тяжёлым ранением. Дальше следы терялись. Когда все надежды уже лопнули, в 1948 году односельчанин, только что вернувшийся в семью, заявил, что видел пропавшего на Сочинском вокзале. «Да, это был он! Точно он, только ног нет! Я не успел выскочить из вагона, поезд набрал ход...», — рассказывал солдат. После этого известия мать хватается за соломинку и снова начинает поиски.

Взгляд Рамазана потяжелел, он стал задумчивее, дыхание участилось. Зина забеспокоилась, видя его состояние, но всё же продолжила:

— Там отмечено, что эту мучившуюся в поисках сына женщину зовут Асмой Абдулхавевой, она ищет сына Рамазана 1920 года рождения, его призвали на службу в 1939 году. Только этому письму уже много лет, ко мне оно попало недавно. Но всё же я выпросила адрес и послала письмо. Но ответ был от другой женщины, её имя — Залифа...

— Залифа?..

— Да. Через почту я отыскала и связалась с Залифой.

— А зачем её искать? Я и так знаю, где Залифа живёт. — Рамазан крепко сжал зубы, чтобы на раскричаться.

— Ты подожди, Рома, дослушай. — Вася коснулся его локтя.

— После, — неторопливо продолжает Зинаида, — я описала парня, который живёт тут на Валааме, его состояние и внешность. А она прислала фотографию. На ней ты, Рома, рядом со своей матерью!

Василий полез в карман, достал фотографию и передал Роме. Рамазан только взглянул и с болью закрыл глаза: да ведь он прекрасно знает каждый штрих, каждую точку на этой черно-белой фотографии! Платок на голове, яркий и цветастый, его мама одевала только в торжественных случаях. На ней было коричневое платье, бархатный бешмет. Грустные глаза, светлое лицо, крепко сжатые губы. Потом ещё оправдывалась и смеялась: «Постеснялась фотографа и насупилась так, что самой некрасивой кажусь!» На долговязом парне, стоящем за ней, чёрный костюм, изнутри видна рубашка с расшитым воротником. На голове кожаная кепка, оставшаяся от отца.

Увидев фото, Рамазан понял, что не сможет убежать от действительности. Он снова вопросительно посмотрел на Зинаиду, требуя дальнейших разъяснений.

— Мама твоей уже нет, Рома... Она ушла из этой жизни четыре года назад. А тебя ищет Залифа.

Услышав о смерти матери, в боку Рамазана что-то кольнуло, он долго лежал, не смея вздохнуть. Чтобы подавить свои чувства, он жёстко сказал:

— А зачем я Залифе нужен?

— Я знала, что ты начнёшь ерепениться. И Залифе написала об этом. Вот она прислала письмо конкретно на твоё имя. Ты сначала прочитай его, а там уже сам решай, что делать, мы тебя неволить не будем. — Зина мельком посмотрела на мужа, тот быстренько вытащил из того же кармана конверт и положил на грудь парня. Супруги торопливо вышли из палаты.

Рамазан долго лежал, не смея взять в руки письмо. Потом дрожащими руками отыскал его и открыл конверт. Содержание было самым обычным: «Хаумы, Рамазан! («Здравствуй» по-башкирски заставило его вздрогнуть: он давно не читал писем на родном языке, и разговаривать было не с кем). Горячий привет с ветрами Аллагувата тебе присылает Залифа. Я знаю, что ты хочешь забыть и родину, и нас, и решил не возвращаться в деревню. Зинаида написала мне всё. Но всё же я пишу тебе, чтобы объяснить наше положение. В 1944 году пришла похоронка на нашего отца. В том же году от болезни лёгких померла и мать. Мы с сестрёнкой остались одни. Зима была очень холодная и тётя Асма, твоя мать, позвала нас пожить у неё. Готовить дрова для одной избы будет легче, сказала она. В 1946 году твоя сестра Амина покалечилась на лесоповале, два года мучилась в постели и умерла. Её трое детей остались на руках тётки Асмы, папе их тоже не судьба была вернуться домой. Вот так мы стали жить вместе большой семьёй. Тётя Асма до самой смерти ждала тебя. Сын её соседа, Шариф ага, оказывается, видел тебя в городе Сочи на вокзале. Но не успел с тобой встретиться. После этой новости мы взбодрились и начали писать в разные организации, искали тебя. А я тебя ищу с сорок четвёртого года, с тех пор как перестали приходить твои письма. С тёткой Асмой мы жили и страдали вместе, надеясь на твоё возвращение. Я уже говорила, что семья наша очень большая. Сестрёнке исполнилось двадцать лет, она уже девушка на выданье. Дети твоей сестры Амины тоже выросли, старший сын заканчивает школу. Две девочки с детства привыкли называть меня мамой, они взрослые, сами ухаживают за собой. Мы держим скотину, птицу. До сих пор живём у тётки Асмы, то есть в вашем доме.

Вот такие наши дела. И про тебя мы знаем и очень радуемся, что ты живой. Война коснулась всех домов в деревне, многие остались без отцов и родных, а ты решил нас осиротить таким образом. Мама твоя ушла с надеждой, что ты жив. И я тоже верила.

С искренними желаниями свидеться с тобой — Залифа.

2 октября, 1955 год.»

Рамазан признал Залифу сразу же. По цветастому платку матери. Стоящая на углу палубы парохода девушка и поведением, и одеждой отличалась от других. Василий с Зинаидой тоже узнали её, медленно спускающуюся с палубы по трапу. Полы длинного платья, поверх которого был одет чёрный ворсистый бешмет, колыхались на ветру. Залифа одной рукой поправляла платье, а в другой держала большущий чемодан. Не торопится сойти на берег, спокойно ждёт своей очереди. Рамазан даже по этим медлительным движениям узнавал спокойную природу женщин своей деревни и его сердце больно заныло. Именно в это время он почувствовал, как соскучился по самим дорогим людям, что зря только столько времени мучил себя нежеланием возвращаться в родные края. Он издали хотел поприветствовать её, поднял руку и тихонько прошептал:

– Залифа...

Потом глубоко вздохнул и крикнул громче:

– Залифа!

В последний раз прокрутим время вперёд. Рамазан и Залифа прожили вместе около сорока лет, и оставили этот мир друг за другом. У них было шестеро детей, их род, распространившись по миру, создал широкое родословное дерево. И с друзьями на Валааме наши герои встретились не раз.

А пансионат на острове просуществовал до 1974 года. Таких лагерей, как этот, по стране было несколько. Потом на Валааме снова восстановили монастырь. Память об инвалидах-фронтовиках сохранили лишь старое кладбище и музей внутри церкви. Они — свидетели. Не забывают. Все, как было. После Победы...

***Перевод с башкирского
Дамира Шарафудинова***

